

М. Горький и нижегородские поэты 900-х годов.

В юбилейные дни славного писателя уместно вспомнить и об его отношении к нижегородской поэтической настроенной молодежи 900-х годов. Это был период быстро восходящей славы М. Горького и в то же время — период подема рабочего движения после долгого затишья. В поэзии тогда преобладали два основных и противоположных течения: с одной стороны — упадочный, эстетический модернизм (декадентство) и родственный ему символизм, а с другой — в противоположность им, — звучал бодрый голос последователей классической школы, — Пушкинского лиризма и Некрасовского реализма. К первым относились пыле умершие или оставившие в белой эмиграции: К. Бальмонт, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, В. Брюсов, А. Белый, Вяч. Иванов, З. Гиппиус и отчасти А. Blok. Ко второй группе мы причисляли: П. Вукина, А. Федорова, К. Фофанова, Л. Андрус, Г. Галицу, П. Якубовича (П. Я.), В. Тана-А. Лотарова, С. Сивальца (С. Петров), Е. Таранова, В. Бакинина и др. Между этими литературными течениями в 1901—1905 г. и был предоставлен выбор тогдашней молодежи.

За литературным направлением и творчеством этих писателей следил тогда и наш нижегородский кружок начинающих поэтов, который составляли: Н. Новиков, А. Суслов, С. Тихий (Клюков), Г. Чудов и пишущий эти строки. Среди нас также были некоторые разногласия во взглядах на поэзию, но, в общем, кружок делным и полностью принадлежал пушкинскую школу и некрасовские традиции граж-

данственности. С последним не соглашался только Суслов, поклонник так называемой, «чистой поэзии».

Конечно, на первых порах литературного опыта мы, как и другие начинающие поэты, нуждались в словесных указаниях и советах, в объективной и авторитетной оценке своего творчества. В качестве такого авторитета, естественно, был выбран М. Горький, по счастливому совпадению, живший тогда в Н.-Новгороде. В пору то и началось знакомство нашего кружка. Встречал М. Горький нижегородских поэтов всегда весьма радушно, с искренним желанием помочь.

Первым по времени поселился его весной 1900 г. Ник. Новиков, начавший писать стихи еще в деревне (д. Новинки, Нижегород. у.) и уже вышедший брошюру «Песни крестьянина». Как «парень от сохи», и в своих стихах, естественно, отдавал дань крестьянскому быту и его темноте, при чем в стихах порою поучительно философствовал. И когда М. Горький пробежал его тетрадь, то заметил:

Зачем эти длинноты и сугубое желанье проучать? В стихах это не годится. В стихе должна быть музыка, образность, краткость формы и оригинальность...

Конечно, этим нельзя было не согласиться. Помощь поэту Горький дал как по истории русской и общей, кое-что из беллетристики. А главное рецензировал за книгами. В этом оказывалась забота писателя о развитии начинающего поэта. Проще чем дать отзыв о стихах, А. М. — я всегда и под-

робу, расширял входящих к нему, том, что они читали, и каждый ра рекомендовал прочесть что-либо свое.

Осенью того же года Н. Новиков за- бдил и М. Горькому уже вместе с дру- гим начинающим поэтом—А. Сусло- вым. Последний признавал принцип «искусство для искусства», у него пре- имущественно небольшие, изящные вентцы, «поэтика под Тютчева и Фе- та», а у остальных преобладали граж- данские мотивы. В разговоре с самим М. Горький, дополнительно к уже ска- занному, высказал свои соображения о поэзии. Он, между прочим, говорил, что «в настоящей поэзии не следует слишком задаваться идейностью» и со- ветовал поэтам «просто записывать то, что выливается из души».

— Не стремитесь много писать, а старайтесь выработать форму и стиль,—советовал он.

Почти все начинающие поэты, в том числе и мы, имеют склонность к преувеличению того значения, кото- рое им подобает в жизни и поэзии. Отсюда—самолюбие, высокопарность формы и проч. отрицательные сторо- ны. Если Пушкин писал: «Я памятник воздвигаю себе нерукотворный», то нам казалось, что и мы можем сказать нечто подобное, не сознавая, что «мо- жем» это еще не значит, что имеем ос- нование... К тому же в это время мо- дный поэт Бальмонт выкрикивал: «Я заключил миры в одном взоре, я—властелин». Или: «Я—изысканность русской медлительной речи, предо мною другие поэты—предтечи», и т. д.

Хотя этому мы не особенно верили, знал таких колоссов поэзии, как Пуш- кин и Лермонтов, Байрон и Гейне,— тем не менее, поэтическое «бахваль- ство» заражало и нас. Суслов писал, что «зря себя поэтом в златом венце и с наизящней очках», что «держал он лиру перед своим, и громко под вол- ной ирвы в стихах», и «при том я

слышал гром рукоплесканий, в моем ногам парод цветы бросал» и т. д. У Н. Новикова в одном из стихотворений говорилось: «Мой голос, как колокол правды, звучал».

Все это, конечно, не могло не вы- звать улыбки у М. Горького, знатока поэтики и художественного слова во- обще, и он добродушно указывал, на- пример, Новикову:

— Вот если бы вы лучше позна- комились с тем, о чем пишете, если бы жизнь, как следует поломала вас самих, тогда и стихи у вас вылились бы правдивее... Где и когда ваш «го- лос звучал колоколом правды»? Это— выдумка...

В то же время М. Горький любил стихи оригинальные, и не только «от души». Не раз он указывал посещае- мым его поэтам, что в их стихах не хватает оригинальности, и при этом ссылался, как на образец, на стихи Б. Бальмонта и Мирры Лохвицкой. Когда же ему указывали (Суслов) на «крайности» бальмонтской поэзии, вроде выше приведенных, М. Горький с этим соглашался, но призывал это исключением.

— Или вот напишите что-нибудь, вроде «Анчара» Пушкина или «Утеса» Лермонтова. Несомненно, вас напеча- тают и похвалят,—предложил он од- назды тому же А. Суслову.

Предложенная Горьким задача, ко- нечно, была нашему кружку не по си- лам, ибо он указал на недостатки клас- сической поэзии двух гениальнейших поэтов.

Некоторые из стихотворений Горь- кий находил, впрочем, удовлетвори- тельными, как у Новикова, так и у Суслова, и обещал напечатать или в журн. «Жизнь» или «Ниж. Листке». В общем же он советовал больше рабо- тать над собой, читать, учиться и не торопиться писать. Как и Новикову, он говорил Суслову:

— Вам нужно еще учиться. Не торопитесь печататься. После, когда разовьетесь и будете писать лучше, — вам будет стыдно своих прежних промахов. Приходите ко мне за книгами, буду давать, какие найдутся.

Пишущий эти строки лично к Горькому со стихами не обращался (но встречался по револ. движению) и передал тогда свою тетрадь через близкого к нему в то время серьезного студента с.-д. Бор. Морковина, при чем Горький дал мне совершенно аналогичные советы, как и упомянутым товарищам. Первая тетрадь моего поэтического опыта (1901—02 г.), подписанная псевдонимом «Андрей Одинокий», так и осталась у Горького, копии же у меня не было... Об этом я несколько не жалею, ибо если бы Горький когда-нибудь ее нашел, мне пришлось бы, вероятно, краснеть за несовершенство первого стихотворного опыта.

Вместе со стихами мною был передан для отзыва беллетристический на-

бросок «Орел», из жизни босняков, написанный тогда под непосредственным влиянием горьковской литературы. Он признал набросок заслуживающим печати, но, помня его совет «не торопиться с печатанием», я не сдал его тогда ни в одну газету, а после и самому этот набросок разонравился, хотя я и имел потом полную возможность напечатать его. Стихи я начал печатать (в местных и столичных газетах) только с 1905 г., когда почувствовал, что обладаю сравнительно удовлетворительной техникой стиха. С. Тихий, кроме стихов, писал злободневные наброски из сормовской жизни, и с «благословения» Горького также печатал в «Ниж. Листке». П. Новинов писал и печатал рассказы в «Волгаре».

Ранней весной 1905 г. наш кружок дебютировал выпуском коллективного сборника стихотворений, под названием «Весенний шум». Содержание его можно было рассматривать, как

некоторый результат влияния горьковских советов, с одной стороны, и, с другой, как отражение революционных настроений данного момента. Тогда под напором рабочего движения впервые задало «политической весной», к тому же двое из нас (С. Тихий и я) были связаны с с.-д. партией. Лично я уже дважды успел побывать в тюрьме...

Местная критика отметила тогда хорошие мотивы (гражданские) сборника и в то же время указала на значительные недостатки формы. Техника стихов действительно была еще далеко не совершенна. Но все мы были выходцами из рабочих низов и никакая школа по теории словесности не проходили. Мы—самоучки, шли ощупью, и наши стихи того времени—не более, как первые для Нижегородского края проблески рабочей поэзии.

С тех пор минуло четверть века. Новейшая литература, в том числе и рабочая поэзия, в лице ее лучших представителей, далеко шагнула вперед, оставив по части техники, да и по силе изображения позади прежних поэтов и беллетристов. Современные писатели (не все, конечно), выступают в печати, уже пройдя основательно школу теории литературы, под руководством лучших мастеров. И нам, писателям старого порядка, приходится, к сожалению, признаться в отсталости от новейших рабочих поэтов и беллетристов.

На последнюю по времени мою брошюру «Мятельные вихри», М. Горький в одном из писем ко мне (от 29 мая 1927 г.) отозвался так: «Дорогой Александр Андреевич,—если сравнить ваши стихи со стихами таких поэтов-рабочих, каковы: Герасимов, Казим, Каров,—сравнение будет не в вашу пользу». Указав на технические недостатки, он говорит дальше: «Все это — недостатки, которых уже не встретить у молодых стихотворцев. Они,

как, напр., Бирсанов, Приют и т. д.—сразу начинают писать стихами почти безукоризненно. И того, чтобы встать рядом с ними, тоже следует записаться техникой; всякое мастерство нужно уметь, если хочешь хорошо работать».

Эти замечательные строки вельны для многих прежних и решивших советских поэтов. М. Горький—строгий критик, но строгий тактично. Когда нужно, он не щадит себя. В этом же письме, вслед за вехеными строками, он делает важное признание и о себе лично:

«Я, вот, пишу 35 лет, а все же, как стал писать прозу поэтов, и подумаешь: отстал, брат, говорится не для утешения, а это—факт; уже многие из моих начавшей печататься 10, 7, 5, тому назад, пишут не хуже меня. Всякое дело,—литература требует прерывного совершенствования».

Я счел нужным привести выдержку из этого письма потому, что оно поучительным вообще для творческой братии и в частности современной молодежи. Среди нас, нижегородцев, есть вполне способные к поэтике ребята, как, например, Паняш, Мижженков и Рубин. Но советы Горького, данные мне, могут быть отнесены и к ним. За А. М.—зачтись письмо ко мне добродушеским советом, который также относится ко многим другим:

— «Учиться—никогда не поздно—это сказано очень правильно. Дружеский совет вам—учитесь такте возможно больше поэтике, чтобы хорошо, тонко чувствовать музыку стиха, только для этого сать вам, разумеется, есть о чем учиться».

На протяжении 25 лет М. Горький теперь уже писатель мировой славы—поддерживает дружбу с нижегородцами. И, конечно, могут не быть обязательными указаниями.